

En résumé, Dom Gaisser a écrit un savant livre, et, pour soutenir une thèse originale, exécuté, c'est le cas de le dire, un vrai travail de Bénédictin. Malheureusement quelque sincère que soit son œuvre, elle repose tout entière sur un fondement ruineux, en sorte que le système musical, laborieusement exposé par lui, est loin de répondre effectivement à mon humble avis du moins, au système traditionnel de l'Eglise grecque.

P. J. Thibaut.

Des Augustins de l'Assomption.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

РОССІЯ.

А. И. Алмазовъ, *Каноническіе отвѣты Іоасафа, митрополита ефесскаго*. Малоизвѣстный памятникъ права греческой церкви XV вѣка. Текстъ и переводъ съ предварительнымъ очеркомъ и примѣчаніями. Одесса. 1903. Стр. 62.— Каноническій памятникъ, опубликованный профессоромъ А. И. Алмазовымъ въ настоящей брошюрѣ, носитъ такое надписаніе: «Ἰωάσαφ ἱερομονάχου καὶ μεγάλου πρωτοσυγκέλλου ἀποκρίσεις πρὸς τὰς ἐρωτήσεις, ἀς ἠρώτησεν ὁ εὐλαβέστατος ἐν ἱερῶσι κύρ Γεώργιος ὁ Αρχιεπίσκοπος». Памятникъ былъ уже напечатанъ въ книгѣ «Ἡ θεία λειτουργία μετὰ ἐξηγήσεων», изданной въ Венеціи въ 1574 году. Тѣмъ не менѣе, его съ полнымъ основаніемъ нужно признать «малоизвѣстнымъ» памятникомъ права греческой церкви, такъ какъ, во-первыхъ, упомянутое венеціанское изданіе составляетъ библиографическую рѣдкость, а во-вторыхъ, въ немъ, въ виду спеціальнаго его назначенія, помѣщены, нужно полагать, только нѣкоторые изъ отвѣтовъ митрополита Іоасафа, имѣющіе отношеніе лишь къ литургіи. И въ рукописномъ преданіи каноническіе отвѣты митрополита Іоасафа представлены далеко не въ многочисленныхъ спискахъ. Профессору А. И. Алмазову извѣстны лишь шесть списковъ, а именно: два списка изъ библиотекъ Патмоскаго монастыря, оба XVI вѣка, подъ №№ 540 и 373 (по описанію Саккеліона), рукопись библиотеки Иверскаго монастыря на Аѳонѣ подъ № 351 (по каталогу Ламброна № 4471), отъ XVII вѣка, рукопись XV вѣка Венеціанской библиотеки св. Марка № 556, рукопись XVI вѣка Оттобоніанской библиотеки въ Ватиканѣ, подъ № 418 (л. 240—249 об.) и, наконецъ, рукопись XVI вѣка библиотеки Аѳонскаго Иверскаго монастыря № 339 (у Ламброна № 4449). Лучшимъ спискомъ слѣдуетъ признать послѣдній, по которому профессоръ Алмазовъ и издалъ любопытный каноническій памятникъ. Въ списокѣ содержатся всего 54 отвѣта, полный, по мнѣнію г. Алмазова, составъ отвѣтовъ, вышедшихъ изъ пера ихъ составителя. Его можно даже признать — если не точною копіею оригинала, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе отвѣчающимъ этому ори-

гиналу. Основанія для этого слѣдующія. Во-первыхъ, въ текстѣ этого списка совершенно не наблюдается какихъ либо вводныхъ статей или привнесений, взятыхъ изъ другихъ списковъ, какъ это замѣчается въ другихъ спискахъ. Во-вторыхъ, всѣ отвѣты изложены здѣсь съ возможною полнотою и мотивировкой, тогда какъ въ другихъ спискахъ они редактированы въ текстѣ очень сокращенномъ. Наконецъ, въ третьихъ, тогда какъ въ большинствѣ другихъ списковъ редація отвѣтовъ подчинена строгимъ формальнымъ требованіямъ внѣшняго характера, т. е. каждому вопросу и отвѣту предпосылаются формальные термины «Ἐρωτήσις» и «Ἀπόκρισις», — въ опубликованномъ текстѣ наблюдается нѣчто иное: здѣсь находится краткое предисловіе автора отвѣтовъ къ вопрошающему, какъ извѣстному ему лицу, чего нѣтъ въ другихъ спискахъ, здѣсь нѣтъ формальнаго (указанными терминами) дѣленія всего матеріала на вопросы-отвѣты, съ полнымъ обезличеніемъ ихъ автора и адресата, а напротивъ — ясно наблюдается непосредственное обращеніе одного лица къ другому, для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они предлагались автору. Такой внѣшній характеръ изложенія въ Иверскомъ списокѣ, усвоившій памятнику видъ какъ бы цѣльнаго посланія, стоитъ въ соотвѣтствіи и съ общепризнаннымъ надписаніемъ отвѣтовъ, которое относитъ ихъ къ одному извѣстному лицу. Все это говоритъ о томъ, что Иверскій списокъ памятника несомнѣнно изображаетъ въ себѣ черты оригинала, а другіе списки, съ формальными отмѣтками вопросовъ и отвѣтовъ, нужно признать нѣкоторымъ приспособленіемъ оригинала для общаго употребленія. Противъ такого заключенія касательно Иверскаго списка не можетъ говорить и отсутствіе въ немъ эпилога, который долженъ бы быть въ соотвѣтствіи прологу: надо полагать, что эпилога не было и въ прототипѣ, такъ какъ содержаніе его отчасти исчерпывается прологомъ.

Обращаясь къ другимъ спискамъ памятника, бывшимъ въ распоряженіи профессора Алмазова, отмѣтимъ Патмосскіе списки подъ № 540 и 373. Первый списокъ очень попорченъ сыростью, такъ что отъ него сохранились лишь отдѣльныя строки. Тѣмъ не менѣе, проф. Алмазовъ даетъ слѣдующую его характеристику: въ списокѣ всего 14 отвѣтовъ, относящихся къ совершенію литургій, къ духовнику и къ монашествующимъ. Надо полагать, что это была выборка, сдѣланная какимъ-либо монахомъ-духовникомъ для личнаго употребленія. Выборка производилась компиляторомъ то путемъ сокращенія подлиннаго текста, при извлеченіи только части отвѣта, то путемъ соединенія двухъ отвѣтовъ въ одинъ. Каждый вопросъ и отвѣтъ имѣетъ формальныя надписанія, что говоритъ объ удаленіи этого памятника отъ первоначальнаго его оригинала. И надписаніе памятника — «Ἐρωτήσεις τινῶν ἱερῶν πρὸς τὸν ἱερομόναχον Ἰωάννην καὶ μέγα πρωτοσύγκελλον καὶ ὑστέρον γεροντὸς τῆς Ἐρέσου ἐπίσκοπος» указываетъ на то, что компиляторъ былъ далекъ и по времени и по мѣсту отъ автора отвѣтовъ и его адресата. Второй Патмосскій списокъ (№ 373) содер-

жить 19 отвѣтовъ и представляетъ иную, сравнительно съ первой, компиляцію оригинала. Здѣсь отвѣты приводятся въ полномъ текстѣ, а иногда соединяются два вмѣстѣ и имѣется характерное надписаніе такого рода: «Ἰωάνναφ ἱερομονάχου καὶ μεγάλου πρωτοσυγγέλλου κεφ. νδ'. Ἀποκρίσεις πρὸς τὰς ἐρωτήσεις, αἵς ἠρώτησάν τινες τῶν Κρητῶν ἱερεῖς. Ἡμεῖς δὲ ἀνθολογήσαμεν ἐξ αὐτῶν τινά». Изъ такого надписанія получаются выводы: 1) настоящій памятникъ есть только извлеченіе изъ другого болѣе пространнаго кодекса въ 54 главы, 2) извлеченіе сдѣлано съ текста оригинальнаго, 3) составитель компиляціи былъ далекъ отъ автора отвѣтовъ и его адресата, 4) адресатъ этихъ отвѣтовъ, по свѣдѣніямъ компилятора, жилъ на Критѣ. Компиляторъ этого списка не руководился въ своей работѣ специальными соображеніями, а выбиралъ тѣ отвѣты, которыми интересовался.

Остальные, извѣстные г. Алмазову, списки памятника не представляютъ характерныхъ особенностей сравнительно съ описанными.

Что касается содержанія отвѣтовъ, изданныхъ профессоромъ Алмазовымъ, то двѣнадцать изъ нихъ (1—12) относятся къ различнымъ недоумѣннымъ вопросамъ по совершенію литургіи, одинъ отвѣтъ (13) касается совершенія великой вечерни, семь отвѣтовъ (23—27, 18, 46) трактуютъ по вопросамъ совершенія крещенія, пять (16—17, 19—21) посвящены предмету исповѣди (о духовникахъ), одинъ отвѣтъ (44) связывается съ таинствомъ причащенія, семь отвѣтовъ (28—32, 18, 46) содержатъ рѣчь о совершеніи таинства брака, одинъ отвѣтъ (15) говоритъ по предмету таинства елеосвященія, одинъ отвѣтъ (47) затрагиваетъ вопросъ вообще о таинствахъ, восемь отвѣтовъ (22, 37—42, 51—52) рѣшаютъ вопросы по части погребенія, пять отвѣтовъ (40—42, 44—45), въ дополненіе къ предыдущимъ, входятъ въ рѣшеніе вопросовъ по части помпновенія, четыре отвѣта (18—19, 43—46) касаются монашества, два (33, 80) связываются съ водоосвященіемъ (собственно съ богоявленнаго водой), три отвѣта (34—36) направляются къ рѣшенію недоумѣнныхъ вопросовъ по части значенія храма, два отвѣта (48, 49) имѣютъ въ виду поведеніе священнослужителей и мірянъ и, наконецъ, четыре отвѣта (43, 45, 53—54) касаются вообще духовнаго руководства вѣрующихъ (трактуютъ собственно о суевѣріяхъ).

Такимъ образомъ, отвѣты весьма разносторонни по содержанію: они касаются общественаго богослуженія, почти всѣхъ таинствъ, другихъ важнѣйшихъ актовъ частнаго богослуженія, мѣста совершенія богослуженія, и сверхъ того, входятъ въ нравственную сферу въ отношеніи мірянъ и священнослужителей. Вообще, эти отвѣты могутъ быть названы канонико-литургическими. Не всѣ они имѣютъ особенную важность, но нѣкоторые изъ нихъ не лишены большого значенія, конечно, не столько практическаго, сколько историческаго: для историка христіанской Византіи и, въ частности, для историка церковной обрядности они представляютъ любопытный матеріалъ, напримѣръ, по вопросу о вѣрованіи въ вуркула-

ковъ и въ гилудъ, о вступленіи въ бракъ при разводѣ по прелюбодѣянію и т. д. Разумѣется, такой церковно-практической документъ не могъ остаться не замѣченнымъ въ греческой церкви. И дѣйствительно, онъ подъ перомъ переписчиковъ преобразовался въ церковно-практическое руководство (по затронутымъ вопросамъ) общаго назначенія. О практическомъ значеніи отвѣтовъ свидѣлствуютъ — внесеніе извлеченій изъ нихъ въ печатное изданіе «Π θεία λειτουργία μετὰ ἐξηγήσεων», появившееся болѣе столѣтія спустя послѣ ихъ составленія, — рукописные ихъ изводы, которые изготовлялись, надо полагать, для практическихъ потребностей, и внесеніе нѣкоторыхъ отвѣтовъ Іоасафа въ канонаріи или малые каноны XV—XVI вѣковъ. Какъ вносимые въ номоканоны, отвѣты Іоасафа не остались неизвѣстными и въ исторіи источниковъ права Русской церкви. Въ славянскомъ переводѣ номоканона, изданномъ въ 1620 году Памвою-Берындою въ Кіевѣ, въ качествѣ приложения помѣщены — «Различныя главизны, собранныя отъ инога номоканона»; въ этомъ приложеніи и встрѣчаются извлечения изъ отвѣтовъ Іоасафа (2 п 3, 17, 18 и 19, 53 и 54 и 42).

Въ заключеніи предисловія, говоря о составителѣ отвѣтовъ, профессоръ Алмазовъ пишетъ, что Іоасафъ — авторъ памятника, какъ видно изъ надписаній, былъ не только іеромонахомъ и великимъ протосинкелломъ, но еще епископомъ Ефеса. Принимая во вниманіе, что въ своихъ отвѣтахъ онъ ссылается на Іоанна Кипрскаго, писателя конца XII и начала XIII вѣка, а съ другой стороны — что эти отвѣты встрѣчаются уже въ рукописяхъ XV вѣка, нужно придти къ выводу, что авторъ ихъ жилъ около XIV вѣка. Лекенъ (*Oriens christianus*, I, 691—692), дѣйствительно, не только указываетъ около этого времени одного изъ митрополитовъ едесскихъ, съ именемъ Іоасафа, но и приписываетъ ему авторство разсматриваемыхъ отвѣтовъ. Подробныхъ свѣдѣній объ этомъ Іоасафѣ не имѣется, но современниками онъ относился къ числу лицъ, кои были *θρησκαστοὶ κατὰ σοφίαν καὶ ἀρετήν*. Вѣроятно, Іоасафъ скончался около 1440 г., такъ что появленіе его отвѣтовъ нужно отнести вообще къ первой половинѣ XV вѣка.

Далѣе въ брошюрѣ профессора Алмазова (стр. 14—42) помѣщенъ греческій текстъ отвѣтовъ Іоасафа по Иверской рукописи № 339, съ русскимъ ихъ переводомъ. Въ примѣчаніяхъ указаны варианты рукописей Патмосской библиотеки №№ 373 и 540. Въ концѣ брошюры (стр. 43—62) находятся весьма цѣнные каноническія примѣчанія къ отвѣтамъ Іоасафа, сдѣланныя профессоромъ Алмазовымъ съ свойственной ему ученой компетенціей и талантливостью. Вообще, новое изданіе профессора Алмазова представляетъ очень важный вкладъ въ нашу византологическую литературу.

А. И. Алмазовъ, *Неизданные каноническіе отвѣты константинопольскаго патріарха Луки Хризостомова и митрополита родосскаго Нила*. Одесса, 1903. Стр. 84. — Изъ памятниковъ, изданныхъ профессоромъ Алмазовымъ.

въ этой брошюрѣ одинъ носить такое надписаніе: «Ζητήματα ἕπερ ἔλυθεν ὁ πατριάρχης Λουκᾶς». Почтенный ученый полагаетъ, что здѣсь разумѣется константинопольскій патріархъ Лука Хрисовергъ, занимавшій престолъ въ 1155—1169 годахъ, такъ какъ съ именемъ Луки извѣстенъ лишь этотъ одинъ патріархъ не только на константинопольской кафедрѣ, но и на прочихъ патріаршихъ престолахъ, затѣмъ въ одиннадцатомъ вопросо-отвѣтѣ есть упоминаніе объ угрохъ и сербахъ, указывающее на соприкосновенность вопрошателя съ территорією константинопольскаго патріархата, и, наконецъ, профессору Алмазову извѣстенъ иной памятникъ съ каноническими отвѣтами патріарха Луки, гдѣ ему усвоится титулъ «οἰκουμηνικός» (рукопись Патмосской библіотеки № 540). Что Лука Хрисовергъ дѣйствительно можетъ считаться авторомъ изданныхъ г. Алмазовымъ церковно-практическихъ отвѣтовъ, объ этомъ косвенно свидѣлствуютъ многія другія его постановленія и предписанія (опубликованныя Леувклавіемъ и Гедеономъ), которыя показываютъ, что въ дѣлѣ рѣшенія различныхъ вопросовъ церковно-практическаго характера Лука Хрисовергъ былъ очень дѣятельнымъ іерархомъ и пользовался въ этомъ отношеніи извѣстностью. Приводятся профессоромъ Алмазовымъ и другія соображенія въ пользу происхожденія памятника отъ патріарха Луки Хрисоверга. Въ виду того, что имя вопрошателя, коему были даны отвѣты, неизвѣстно, должно предполагать, что вновь публикуемый памятникъ не составляетъ какого-либо нарочитаго цѣльнаго произведенія Луки Хрисоверга, а есть сводъ его рѣшеній по вопросамъ, предложеннымъ ему въ разное время и отъ различныхъ лицъ, или даже по вопросамъ, вызывавшимся текущею церковною жизнью времени патріарха. Далѣе, авторъ показываетъ, что сводъ былъ составленъ уже послѣ смерти патріарха Луки. По характеру содержанія трактуемые отвѣты касаются пяти предметовъ: совершенія литургіи съ проскомидією и совершенія вообще богослуженія (2 — 4, 7, 10, 18), покаянія (1, 11, 13—15 и 17), брака (8, 12 и 19), священства (9 и 12) и, наконецъ, монашества (5, 6 и 16). Отвѣты Луки Хрисоверга имѣли практическое значеніе, какъ это видно изъ совпаденія ихъ съ другими аналогичными вопросо-отвѣтными памятниками и изъ того, что отвѣты вносились въ общія каноническія руководства послѣдующаго времени. Отвѣты патріарха Луки Хрисоверга изданы по единственному списку XV вѣка изъ библіотеки Иверскаго монастыря. № (4502) 382 (по каталогу Ламброса).

Другой памятникъ надписывается такъ: «Ἰωνῆ ἱερομονάχου ἐρωτήσεις περὶ τῶν ἀναγκάσιων καὶ ἀποκρίσεις εἰς Νείλου τοῦ ἀγιωτάτου μητροπολίτου Ῥόδου». Изъ трехъ митрополитовъ родосскихъ съ именемъ Нила авторомъ этого произведенія былъ, по мнѣнію профессора Алмазова, тотъ, который занималъ кафедру въ 1357—1369 годахъ и который уже извѣстенъ своею литературною дѣятельностью, въ частности полемикой съ латинянами. На борьбу автора съ воззрѣніями западной церкви отчасти намекаетъ отвѣтъ о причащеніи младенцевъ, тщательно и всесторонне

мотивированный, очевидно, въ виду латинскаго отрицательнаго взгляда. Вопросатель Нила — іеромонахъ Іона, вѣроятно, былъ духовникъ въ мѣстности, подчиненной этому митрополиту. Но въ отвѣтахъ иные и не вызваны вопросами Іона, а затѣмъ, настоящая ихъ редакція, въ публикуемомъ объемѣ, была составлена уже по смерти митрополита Нила лицомъ, непосредственно знавшимъ его и уважавшимъ. По внутреннему характеру отвѣты Нила аналогичны съ отвѣтами патріарха Луки Хрисоверга и относятся почти исключительно къ литургической сферѣ. Въ частности, изъ двадцати отвѣтовъ Нила семь относятся къ общественному богослуженію (1, 5, 12, 13, 15, 20 и 21), три къ причащенію (10, 11 и 19), три къ крещенію (6, 8 и 9), два къ покаянію (3 и 7), одинъ къ елеосвященію (16), одинъ къ поминовенію (4), одинъ къ постамъ (2) и, сверхъ того, три къ фактамъ бытовой жизни (14, 17 и 18). Отвѣты митрополита Нила опубликованы по единственному списку XVI вѣка изъ бібліотеки Іоанно-Богословскаго монастыря на островѣ Патмосѣ, № 540.

Далѣе въ брошюрѣ профессора Алмазова помѣщены въ греческомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ каноническіе отвѣты патріарха Луки Хрисоверга (стр. 19—49) и митрополита родосскаго Нила (стр. 50—84). Къ тексту отвѣтовъ профессоромъ Алмазовымъ приложены весьма цѣнные историко-пояснительныя примѣчанія. И этотъ трудъ талантливаго и энергичнаго ученаго представляется весьма важнымъ, какъ это признано и специалистомъ церковнаго права (см. рецензію на оба разсматриваемыя изданія, помѣщенную профессоромъ Московской Духовной Академіи г. Заозерскимъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1903 годъ, іюнь, стр. 372 и д.).

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. VIII. Выпуски 1—2. Софія. 1902. Стр. 162.

Въ этомъ изданіи помѣщены слѣдующія статьи:

1. **Louis Petit**, *Monodie de Théodore Prodrome sur Etienne Skylitzès métropolitaine de Trébizonde* (р. 1—14). — Послѣ небольшого предисловія о Ѳеодорѣ Продромѣ и Стефанѣ Скилицѣ, митрополитѣ трапезунтскомъ XII вѣка, авторъ публикуетъ греческій монодіи перваго на смерть втораго, заимствованный изъ Ватиканскаго кодекса XIII вѣка, № 306.

2. **Б. Панченко**, *Памятникъ славянъ въ Византіи VII вѣка* (стр. 15—62). — Между древностями, приобрѣтенными Институтомъ въ Константинополѣ въ 1900 году, найденъ памятникъ большой исторической важности — печать славянской военной колоніи въ Византіи, ближайшей къ Константинополю Малоазіатской провинціи; печать должна быть отнесена къ самой срединѣ VII столѣтія. Подобное открытіе вызываетъ большой научный интересъ, такъ какъ печать представляетъ древнѣйшій и пока единственный вещественный памятникъ славянскаго движенія въ Малую Азію, памятникъ непосредственный и несомнительный, современный, приблизительно, древнѣйшимъ записямъ хроникъ и иныхъ литературныхъ источниковъ, касающихся славянства въ Византіи, и дополняющій ихъ

новыми фактическими данными, — лучъ свѣта въ сумеркахъ передвиженія народовъ, новый фрагментъ славянской племенной исторіи (стр. 15). Моливдовулъ имѣетъ около 3½ сантиметровъ въ поперечникѣ и значительную толщину, покрытъ патиною или лакомъ бурога цвѣта. На лицевой сторонѣ моливдовула находится изображеніе императора, вокругъ коего сохранились слѣды надписи со словами — ἀπὸ ὑπάρχων, а собственное имя изглажено. Здѣсь же, по обѣимъ сторонамъ фигуры императора, обозначенъ идикутъ — восьмой. На обратной сторонѣ моливдовула читаются слѣдующія слова: [†] τὸν ἀνδρὰς δόντων Σχλαβῶν τῆς Βιθύνων ἐπαρχίας †. На основаніи совокупности иконографическихъ и историческихъ данныхъ, которыя весьма тщательно сгруппированы въ статьѣ, г. Панченко приходитъ къ выводу, что памятникъ опредѣляется совершенно точно 650 годомъ, когда царствовалъ Константинъ, изображение коего и помѣщено на моливдовулѣ. Кто былъ личнымъ собственникомъ печати, останется неизвѣстнымъ: его имя утрачено, осталось званіе ἀπὸ ὑπάρχων — высокій рангъ, бывшіе clarissimi, носившійся многими лицами изъ VI и VII вѣковъ. Это званіе носили и нѣкоторые коммерціант, начальники таможенныхъ и монопольныхъ казенныхъ складовъ (ἀποθηκῆσι) той или другой провинціи, но въ сохранившейся легендѣ нашего памятника ничто не указываетъ на казенное хозяйственное учрежденіе. Памятникъ имѣетъ одинъ политическій смыслъ и является пока unicum между датированными моливдовулами. Первостепенное значеніе здѣсь принадлежитъ самому факту существованія колоніи славянскихъ федератовъ въ Вѣоніи въ 650 году, или даже ранѣе. Это такой ранній и точный фактъ, которому, кажется, нѣтъ примѣра въ національныхъ древностяхъ.

Далѣе авторъ обращается къ обзору данныхъ исторіи, чтобы поставить открытый Институтомъ памятникъ въ родную ему среду фрагментовъ сѣдой славянской древности. Въ длинномъ рядѣ извлеченій изъ византійскихъ историковъ, путемъ весьма тщательнаго анализа ихъ содержанія и критической оцѣнки, г. Панченко опредѣляетъ малоазіатскую область, куда преимущественно направлялась славянская колонизація (Вѣонія, позже ѳема Опсикій), указываетъ на особенное политическое значеніе этой ѳемы, говоритъ объ устройствѣ славянскихъ поселеній и т. д. Выводы, къ которымъ авторъ приходитъ при уясненіи значенія моливдовула въ суммѣ иныхъ свѣдѣній о положеніи славянъ въ Византіи, формулируются такимъ образомъ. Первое лѣтописное извѣстіе о славянскихъ передвиженіяхъ въ Малой Азіи относится къ послѣднимъ годамъ правленія Константа, къ 664 г. Нашъ памятникъ вскрываетъ существованіе организованныхъ славянскихъ федератовъ, притомъ въ определенной области Вѣоніи, къ 650 году, въ первое десятилѣтіе царствованія Константа; онъ представляетъ собою первый слѣдъ славянства не только въ земляхъ Вѣоніи и позднѣйшаго Опсикія, гдѣ славянской элементъ имѣлъ многовѣковую традицію, но въ Малой Азіи вообще. Памятникъ не только даетъ означенный историко-географическій фактъ изъ

эпохи славянскихъ передвиженій, но и передаетъ объ организаціи славянскихъ политическихъ общинъ на земляхъ имперіи, о положеніи федератовъ вообще въ византійскомъ государствѣ. Онъ опредѣляетъ колонистовъ славянъ выраженіемъ τῶν Ἰνδραξ δόντων, поставившихъ воиновъ: разъ состоявшійся фактъ (δόντων) является ихъ опредѣленіемъ. Не только этимъ указана служба славянъ государству и ихъ роль въ политической системѣ Византіи, но и названо существенное ихъ отличіе отъ прочаго провинціального населенія, которое хотя и поставляло рекрутъ въ регулярные полки (ἀριθμοί, numeri), но котораго главная служба состояла въ несеніи податей (capitatio). Слова τῶν Ἰνδραξ δόντων слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ поставки славянской колоніей нѣкотораго числа людей для пополненія извѣстнаго контингента, но въ смыслѣ образованія отдѣльнаго контингента или содержимаго постоянно. На страницахъ «Исторіи войнъ» Прокопія, у Агаѳія и Симокатты постоянно встрѣчаются извѣстія о варварскихъ отрядахъ скивовъ, гунновъ, аланъ и другихъ, которые содержались преимущественно военной добычей и грабежомъ и являлись главной силой византійской арміи. На такомъ положеніи нужно представлять и контингентъ внонскихъ славянъ VII вѣка. Позднѣйшіе Слависіане изъ Опсикія, участвовавшіе въ критскихъ экспедиціяхъ X вѣка, получали ругу, но это были особенно трудныя и отдаленныя экспедиціи, и организація арміи въ X вѣкѣ, когда сложилась система оемъ и тагмъ, далеко ушла впередъ, со временъ VII вѣка. Мы должны принимать, что названіе τῶν Ἰνδραξ δόντων было установленнымъ наименованіемъ колоніи славянъ. Языкъ памятника точный и официальный: ихъ область обозначена въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ на подписяхъ церковныхъ соборовъ, названа не просто Внонней, но провинціей вноннѣвъ (τῆς Βιθυνῶν ἐπαρχίας). И самое ихъ пмя — Σκλαβῶν должно привлечь вниманіе филологовъ: на памятникѣ середины VII в. племя названо не Словинянами или Славянами, но Σκλαβῶν, даже съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Теперь возникаетъ вопросъ: составляли ли славянскіе федераты политическую общину, административное или земское цѣлое, — заключаетъ ли легенда обратной стороны цѣльный смыслъ и самостоятельное значеніе. На этотъ вопросъ можно дать отвѣтъ, рѣшивъ предварительно другой болѣе конкретный: въ какомъ отношеніи стоитъ легенда обратной стороны къ надписи на лицевой, и существуетъ ли между ними синтаксическая связь. На послѣдній вопросъ нельзя отвѣтить иначе, какъ отрицательно. Значитъ, печать принадлежитъ одновременно начальнику или секретарю колоніи, неизвѣстному по имени, но носящему значительное византійское званіе ἀπὸ ὑπάρχων, и самому обществу внонскихъ федератовъ, образующихъ извѣстное цѣлое съ официальной точки зрѣнія. Печать славянской общины контрастировала съ именемъ должностнаго лица.

Итакъ, существованіе славянской общины, образующей внутри себя особое административное цѣлое, имѣющее свою печать и должностное

лицо во главѣ, которое скрѣпляло общественные акты своею личною подписью на одной и той же печати, — волости, несущей въ отношеніи къ государству службу федератовъ, и все это за сорокъ лѣтъ до правленія Юстиніана Ринотмита, — эти данныя моливдовула Института говорятъ сами за себя. При томъ, эти извѣстія моливдовула не только наиболѣе древнія, первыя по времени изъ всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ извѣстій о судьбахъ славянства въ Малой Азіи, но также самыя достовѣрныя и непосредственныя (стр. 60—62). — Таковы выводы прекрасной статьи Б. А. Панченко.

З. Ѳ. И. Успенскій, *Фрагменты мозаичной росписи въ церкви св. евангелиста Іоанна въ Равеннѣ* (стр. 63—78). — Церковь св. Іоанна евангелиста въ Равеннѣ была возведена и украшена мозаичною росписью въ V вѣкѣ, по приказанію и на средства императрицы Галлы Пладиіи, дочери Θεодосія Великаго и матери императора Валентиніана III, въ благодарность за спасеніе отъ бури, застигнувшей императрицу на пути изъ Константинополя въ этотъ городъ. Древняя церковь подвергалась неоднократнымъ подновленіямъ и перестройкамъ, такъ что въ настоящее время судить о драгоцѣнныхъ ея украшеніяхъ можно лишь на основаніи описаній средневѣковыхъ писателей. Впрочемъ, въ задачу академика Успенскаго и не входитъ постройка Галлы Пладиіи, а лишь новѣйшія въ ней добавленія, въ частности — мозаическая роспись, задѣланная въ стѣну одного изъ придѣловъ церкви (св. Варооломея). По мнѣнію нашего ученаго, здѣсь сохранились слѣды иллюстраціи четвертаго крестоваго похода. Важность этихъ мозаикъ заключается въ томъ, что онѣ сдѣланы подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій и свидѣтельствуютъ о значеніи такихъ фактовъ въ этой авантюрѣ — какъ называютъ IV-й крестовый походъ нѣкоторые современники, — которые были доступны меньшинству рыцарей и были скрываемы отъ массы крестоносцевъ. И съ этой ииенно стороны, т. е. какъ иллюстрація событій IV-го крестоваго похода, сдѣланная при томъ не въ интересъ Венеціи, равеннскіе фрагменты и заслуживаютъ вниманія. Нужно лишь пожалѣть о спутанности этого матеріала.

Интересныя мозаики уже были изданы профессоромъ Е. К. Рѣдинымъ во второмъ томѣ нашего журнала, причемъ все содержаніе мозаикъ раздѣлено имъ на двѣ группы: 1) съ изображеніемъ различнаго рода животныхъ и можетъ быть олицетвореній, и 2) съ изображеніями какого-то историческаго событія. Къ иллюстраціи историческаго событія у него отнесены рисунки на таблицахъ VII и VIII, соответствующихъ №№ 308 (*musaici con combattimenti di soldati*) и 309 (*musaici con navi*) мѣстной фотографіи Риччи, а таблицы IV, V и VI, соответствующія №№ 307 (*frammenti di mosaico del vecchio pavimento della chiesa con episodi delle crociate, sec. XIII*), 310 (*musaici con animali*) и 311 (*musaici con sirene e argpie*) этой фотографіи, отнесены къ разряду bestiaria или физиолога. Академикъ Ѳ. И. Успенскій приписываетъ главное значеніе фотографіямъ 308 и 309 (таблицы VII и VIII) и отчасти фотографіи 307

(табл. IV). Чтобы извлечь изъ этихъ изображеній необходимый историческій матеріалъ, нужно обратить вниманіе и на рисунокъ, и на надписи. Всматриваясь въ таблицы VII и VIII, замѣчаемъ, что на каждой изъ нихъ представлено нѣсколько вдѣльныхъ сюжетовъ, такъ что на каждой фотографіи представлены собственно фрагменты или кусочки мозаического пола, которые, каждый отдѣльно, отдѣльвались рабочими. Такимъ образомъ на таблицѣ VII мы видимъ всего семь фрагментовъ на таблицѣ VIII четыре фрагмента и кромѣ того два фрагмента орнамента, которые къ рисункамъ не имѣютъ отношенія. Кромѣ того, на снимкѣ № 309 (табл. VII) имѣются остатки надписей:

- 1) IADRAAD . . .
CEDEM
- 2) COSTATINO
POLIM (I)

Толкованіе первой надписи не представляетъ затрудненій. Iadra есть средневѣковое имя города Зары. Iadra ad . . . имя города въ творительномъ падежѣ, какъ и во второй надписи слѣдуетъ читать Constantinopoli въ творительномъ падежѣ. Надписи, очевидно, были составлены въ такомъ смыслѣ: въ такомъ-то городѣ происходили съ крестоносцами такія-то событія. Признать въ городѣ Iadro или Iadera далматинскую Зару слѣдуетъ потому, что осада и взятіе этого города крестоносцами въ 1203 году составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ этого похода. Поставленные же рядомъ Зара и Константинополь, какъ города осаждаемые непріятельскимъ флотомъ, характеризуютъ именно эпоху IV крестоваго похода, ибо осада и завоеваніе этихъ двухъ городовъ составляетъ главный предметъ трагедіи, разыгравшейся въ 1203—1204 году. Надпись могла читаться приблизительно такъ:

Iadra ad[venti mer]cedem [accepti sunt].
Constantinopoli mi[lites cruce]signati].

Во всякомъ случаѣ, въ надписи сохранилось наименованіе двухъ городовъ и по отношенію къ этимъ городамъ и слѣдуетъ истолковывать хотя бы часть композицій. Большинство фрагментовъ на таблицахъ VII и VIII представляетъ вооруженныя морскія суда, частью стоящія подлѣ стѣнъ, частью входящія въ гавань. Изъ четырехъ морскихъ судовъ съ поднятыми машинными и лѣстницами два находятся возлѣ башенъ, стилизующихъ города Зару и Константинополь. Это суда италіянскаго типа (венеціанскій флотъ), на одномъ суднѣ фигура вождя, подающаго сигналъ къ нападенію, — ясно, что суда изображаютъ непріятельскій флотъ предъ названными городами въ моментъ взятія ихъ приступомъ. На таблицахъ видны башни, сдѣланныя по одному шаблону, и поднятыя лѣстницы, различной композиціи. Этотъ матеріалъ имѣетъ аналогіи съ

иллюстраціями въ книгахъ Schlumberger, *L'empire byzantine* (II, 369) и *Un empereur byzantin* (р. 57) и De Beylié, *L'habitation byzantine*, р. 56 и 135 (Paris. 1902). Кромѣ двухъ городовъ, помѣченныхъ надписями, на мозаикахъ есть фрагменты двухъ другихъ городовъ. При истолкованіи этихъ частей мозаики нужно имѣть въ виду, что подъ Зарой, напри- мѣръ, крестonosцы прорвались въ гавань, высадились на сушу, такъ что между лагеремъ крестonosцевъ и городомъ могли находиться корабли (Villehardouin ed. *Natalis de Wailly*, р. 45, chap. 78).

Предъ башней города Зары, кромѣ кораблей, изображены три фигуры въ живомъ обмѣнѣ рѣчами. По мнѣнію академика Успенскаго, въ этой группѣ мастеръ мозаики хотѣлъ представить французскихъ и венеціанскихъ бароновъ и рыцарей въ моментъ переговоровъ о сдачѣ города Зары (Villehardouin, р. 47, chap. 80 sq., chap. 46—48). Тѣ двѣ фигуры, которыя находились ближе на башнѣ, изображаютъ уполномоченныхъ отъ города Зары, предлагавшихъ сдать крестonosцамъ городъ, лишь бы была пощадена жизнь всего населенія. Какъ извѣстно, это условіе не было исполнено, и Зара подверглась страшному разграбленію.

Въ изображеніи мозаичистомъ обстоятельствъ, послѣдовавшихъ подъ Константинополемъ, есть такая особенность: подлѣ башни помѣщена группа изъ четырехъ человѣкъ, причемъ одинъ изъ нихъ со связанными руками, надъ нимъ поднятъ мечъ и т. д. По мнѣнію Э. И. Успенскаго, здѣсь представлена сцена убійства Алексѣемъ Дукой Мурдуфломъ царевича Алексѣя IV, происшедшаго въ февралѣ 1204 года.

Но важнѣйшая часть мозаики находится на снимкѣ № 308 (таблица VIII). Здѣсь помѣщена слѣдующая сценка. На тронѣ сидитъ восточный властелинъ, въ лѣвой рукѣ у него свитокъ, правая приподнята съ жестомъ привѣтствія, обращеннымъ къ стоящему предъ нимъ лицу. Это второе лицо на картинѣ имѣетъ непокрытую голову, носить длинную одежду и держитъ въ лѣвой рукѣ свитокъ, который онъ простираетъ къ властителю; въ правой рукѣ у него, повидному, другой свитокъ. Сцена представляетъ актъ обмѣна письмами или заключеніе договора между египетскимъ султаномъ Мелекъ-Аделемъ, братомъ Саладина, и венеціанскимъ дожемъ съ цѣлью отклоненія крестonosцевъ отъ Египта и направленія похода на Византію. Далѣе академикъ Успенскій представляетъ ученый комментарий къ этой части мозаики, кратко обозрѣвая относящуюся къ вопросу литературу, и сооставляетъ научно-историческіе выводы съ свидѣтельствомъ равеннской мозаики, которая, повидному, должна служить новымъ матеріаломъ для рѣшенія вопросовъ изъ исторіи IV крестоваго похода. Въ 1213 году, по распоряженію Вильгельма, аббата церкви св. Іоанна евангелиста въ Равеннѣ, выдающіяся событія IV крестоваго похода были представлены въ виду мозаичныхъ изображеній, причемъ актъ договора Венеціи съ султаномъ составилъ предметъ отдѣльной композиціи. Эта сцена и подтверждаетъ тѣ литературныя указанія на венеціанскую интригу во время IV крестоваго похода, которыя

сдѣланы Масъ - Латри (*Histoire de l'île de Chypre*, 1861) и К. Гопфомъ (въ исторіи средневѣковой Греціи). Сказавъ, что движеніе крестоносцевъ на Константинополь далеко не было случайнымъ, а напротивъ сдѣлано было по плану зрѣло обдуманному и согласно формальнымъ предложеніямъ со стороны египетскаго султана, Масъ - Латри приводитъ далѣе и самыя мѣста изъ хроники Эрнула: «Le sultan choisit des messages et des serviteurs; il leur remit de beaux présents et les manda à Venise. Il les chargea de dire au duc et aux Vénétiens que, s'ils pouvaient tant faire que les chrétiens n'allassent pas en la terre d'Egypte, il leur donnerait de grands biens et de grandes franchises dans le port d'Alexandrie» (I, 161—3). Въ Египетъ были отправлены Марино Дандоло и Петро Микели, которымъ и было поручено заключить съ султаномъ договоръ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ акты, изданные въ *Fontes rerum austriacarum*, t. XIII, p. 184, *Facta Aegyptiaca* (Wien 1856), гдѣ читаемъ: «Venerunt ad nos nuntii vestri, fortes milites, Marinus Dandolus et Petrus Michael. . . . Recepimus eos magnifice et gloriose et audivimus, cum venissent ad praesentiam nostram, quae proposuerunt, et intelleximus eorum dicta, et placuit nobis eorum sapientia et intellectus, quorum complevimus facta et voluntatem ad beneplacitum eorum, et confirmavimus dicta eorum». Дальнѣйшими статьями обезпечивается за венеціанскими купцами право свободной торговли по всему Египту и даруется имъ кварталъ въ Александріи для жительства и устройства торговыхъ конторъ и заведеній. Такимъ образомъ, въ виду новаго матеріала, открытаго и освѣщеннаго академикомъ Ѳ. И. Успенскимъ, вопросъ объ интригѣ Венеціи во время четвертаго крестоваго похода снова долженъ выступить на сцену.

4. А. А. Павловскій и Н. К. Клуге, *Мадеба* (стр. 79—115). — Въ 1897 г. Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ воспользовался пребываніемъ въ Палестинѣ художника Н. К. Клуге и поручилъ ему заняться съемкою плановъ, зарисовкою акварелью и фотографированіемъ открытыхъ къ тому времени памятниковъ древности въ заіорданскомъ небольшомъ поселеніи Мадебѣ, недавно основанномъ на мѣстѣ древняго моавитскаго города того же имени. Н. К. Клуге провелъ въ Мадебѣ за этой работой около года и результатомъ ея явилась цѣлая серія тщательно исполненныхъ плановъ древняго города и обнаруженныхъ тамъ христіанскихъ базиликъ, акварелей и мозаикъ пола, сохранившихся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ базиликъ, и фотографій какъ нынѣшняго поселенія, такъ и сохранившихся до насъ древностей. Результаты этихъ работъ г. Клуге и предлагаются въ настоящей статьѣ, причемъ научное ихъ изслѣдованіе и изданіе взялъ на себя профессоръ г. Павловскій. Въ частности, въ статьѣ излагается дохристіанская и христіанская исторія Мадебы, говорится о ея расположеніи, древнихъ стѣнахъ, воротахъ, улицахъ, бассейнахъ, описываются древнія базилики, въ одной изъ коихъ (VI вѣка) на полу была открыта въ 1895 году географическая мозаичная карта, и нѣкоторыя жилия помѣщенія, въ коихъ сохранились остатки

древнихъ мозаикъ, приводятся греческія надписи, открытыя въ базиликахъ, и т. п. Статья представляетъ большой археологическій интересъ и должна занять видное мѣсто въ ряду появившихся въ послѣднее время изслѣдованій о древностяхъ Мадебы.

5. Г. П. Беглери, *Святая Софія* (стр. 116—118).—Въ небольшой статьѣ г. Беглери приводится извлеченіе изъ описанія храма Святой Софіи, составленнаго ученымъ грекомъ Вестиари, который посѣтилъ этотъ храмъ въ 1833 году въ сопровожденіи Александра Гики, господаря Валахія, а также и въ 1847 году, во время его реставраціи при султанѣ Абдуль-Меджидѣ. Извлеченіе сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы показать неудовлетворительность изданія нѣмецкаго археолога Зальценберга *Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel, Berlin, 1854.*

6. Ө. Шмитъ, *Мозаики и фрески Кахріэ-джаміи* (стр. 119—152). — Въ Константинополѣ, пишетъ г. Шмитъ, есть одинъ памятникъ византійскаго искусства, который къ такимъ достоинствамъ, какъ высокая художественность, прекрасная сохранность и доступность, присоединяетъ еще одно преимущество: онъ вполне точно датированъ и хорошо извѣстенъ по литературнымъ источникамъ. Разумѣется Кахріэ-джаміи. Нынѣ это мусульманская мечеть, а нѣкогда была церковью богатаго византійскаго монастыря Хоры. Щедрый благотворитель отдѣлалъ церковь съ необычайною роскошью и вкусомъ: стѣны онъ одѣлъ въ разноцвѣтные дорогіе мраморы, своды и люнеты покрылъ великолѣпною мозаикой, а одну часть зданія украсилъ фресковою росписью. Историкъ Никифоръ Григора (IX, 13) сообщаетъ имя этого благодѣтеля: это — Теодоръ Метохитъ, мнистръ и другъ императора Андроника Старшаго, личность хорошо извѣстная. Онъ родился около 1270 г., и умеръ 13-го марта 1332 г. Такъ какъ надъ царскими дверями храма онъ велѣлъ изобразить себя колѣно-преклоненно подносящимъ церковь Спасителю и въ надписи обозначилъ свой титулъ — *λογοθέτης τοῦ ὑμνωδοῦ*, то можно сказать съ увѣренностью, что роспись Кахріэ-джаміи относится ко второй половинѣ жизни ктиторомъ. Другими словами: датировать мозаики Кахріэ-джаміи слѣдуетъ первою четвертью XIV-го вѣка. Однако въ наукѣ эта дата не считается безспорной; нѣкоторые авторитетные византологи, имѣя въ виду разность мозаикъ въ колоритѣ, рисунокѣ и техникѣ, часть ихъ относятъ къ XI и XII вѣкамъ, часть къ XIV-му вѣку. Необходимо, значитъ, вновь разсмотрѣть вопросъ, тѣмъ болѣе, что недавно опубликованы три литературныхъ памятника (житіе ктиторомъ Хоры Теодора и игумена этого монастыря Михаила Спикелла, въ изданіи Мануила Гедеона по списку XII вѣка, и два стихотворенія Теодора Метохита, въ изданіи М. Треу по сод. Paris. Gr. 3359), проливающие новый свѣтъ на исторію монастыря, а затѣмъ Русскому Археологическому Институту, въ лицѣ его членомъ Ө. И. Шмита и Н. К. Клуге, представилась возможность полнѣе и подробнѣе изучитъ замѣчательный археологическій памятникъ. Въ настоящемъ из-

слѣдованіи г. Шмитъ ограничивается вопросомъ о датѣ мозаикъ и фресокъ Кахріэ-джаміи.

Главная масса мозаикъ находится въ двухъ нарѣнкахъ храма. Въ каеоликонѣ сохранились только два изображенія—Спасителя и Богородицы, отдѣльныя фигуры во весь ростъ. Обѣ иконы сильно пострадали отъ времени и, кажется, отъ огня. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно мозаикъ, которыя нѣкогда, несомнѣнно, находились въ авторной конхѣ, въ триумфальной аркѣ и, можетъ быть, въ люнетахъ. За то мозаики обонихъ притворовъ, въ большинствѣ случаевъ, сохранились прекрасно. Г. Шмитъ далѣе перечисляетъ мозаики, приводя надписи въ послѣдовательности расположенія мозаикъ, причемъ начинаетъ перечень съ южнаго купола внутренняго нарѣнка, переходитъ къ сѣверному куполу, люнетамъ и сводамъ сѣверной половины эксонарѣнка, продолжаетъ люнетами наружнаго притвора, сводами его, возвращается къ композиціямъ втораго нарѣнка (южной половины) и, наконецъ, называетъ святыхъ мучениковъ, изображенныхъ въ аркахъ эксонарѣнка. Всѣхъ мозаикъ авторъ указываетъ 170. Онѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ и образуютъ одну непрерывную серію, послѣдовательно иллюстрируя всю исторію человѣчества отъ сотворенія Адама до основанія церкви Христовой. Именно, №№ 1—56 изображаютъ родословную Спасителя, 57—67 нныхъ праотцевъ и праведниковъ Ветхаго завѣта, 69—88 жизнь Богородицы до Рождества Иисуса, 89—103 рождество и дѣтство Спасителя, 104—118 чудеса Христа, 119—120 апостоловъ, 121—164 святыхъ мучениковъ. Въ указанной связи стоятъ только слѣдующія шесть мозаикъ: Вседержитель 165 и 167, Панагія 166, Δέσπικη 168, Спаситель 169 и Богородица 170; на нихъ слѣдуетъ смотрѣть собственно какъ на иконы. Вообще, вся роспись нарѣнковъ Кахріэ-джаміи есть выраженіе одной мысли, принадлежащей именно Θεόδору Μετοχиту. Этого мало: можно сказать, что и работы по украшенію притворовъ производились не только подъ его наблюденіемъ, но и по его указаніямъ. Намеки на это г. Шмитъ находитъ въ двухъ стихотвореніяхъ Μετοχита, изданныхъ М. Трепъ и озаглавленныхъ: 1) Δοξολογία εἰς Θεόν καὶ περὶ τοῦ καθ' αὐτόν καὶ τῆς μονῆς τῆς Χώρας, 2) и Εἰς τὴν Θεοτόκον καὶ περὶ τῆς μονῆς ἐπὶ τῆς Χώρας. Въ этихъ стихотвореніяхъ излагаются религіозно-богословскіе взгляды Μετοχита и рассказывается его жизнь, указывается отношеніе Μετοχита къ монастырю Хора и его дѣятельность по украшенію этого монастыря.

Итакъ, положеніе вопроса о датѣ мозаикъ Кахріэ-джаміи слѣдующее: за то, что роспись сдѣлана по заказу Μετοχита, говорятъ — свидѣтельство Никифора Григоры, свидѣтельство самаго Μετοχита и единство плана мозаикъ. Противъ датировки ихъ XIV-мъ вѣкомъ приводятъ стилистическія различія. Но это, по мнѣнію г. Шмита, зависѣло отъ причины самой обыкновенной: византійскіе художники были живыми людьми, — одинъ рисовалъ лучше, другой хуже, одинъ придерживался академическаго направленія, другой клонилъ къ реализму. Но въ общихъ чертахъ

указанія художникамъ давалъ подлинникъ, какъ это и видно изъ надписей памятника. Эти надписи можно раздѣлить на три категоріи: однѣ указываютъ только имена изображенныхъ лицъ, вторыя пересказываютъ сюжетъ событій, а третьи суть цитаты, источники коихъ разнообразны. И разсмотрѣніе сюжетовъ указываетъ на то, что мозаичисты руководились подлинниками, которые только направляли художника, но не связывали его, давая просторъ и личному почину. Вѣроятно, изображеніями были покрыты и стѣны эксонарѣика, нынѣ совершенно голыя. Существовавшія здѣсь мозаики были, вѣроятно, уничтожены во время взятія Константинополя турками, на что указываетъ историкъ Дука (р. 272, 288 Воннае).

Фресками расписана и отдѣленная отъ южнаго конца эксонарѣика аркадою длинная пристройка, ориентированная съ запада на востокъ, заканчивающаяся абсидою и имѣющая въ западной части куполь-фонарь. Исслѣдователи Кахріэ-джаміи назвали эту пристройку «парекклисіономъ» и видѣли въ ней усыпальницу знатныхъ людей. По мнѣнію г. Шмита, придѣлки были монастырскою трапезою, стѣны коей были расписаны, дабы напоминать монахамъ, что тѣлесная пища есть лишь печальная необходимость, а истиннымъ питаніемъ христіанина должно быть слово Божіе. Роспись имѣла темою таинства и чудеса Христа. Г. Шмитъ описываетъ въ своей статьѣ и эти фрески.

При изученіи фресокъ Кахріэ-джаміи обращаютъ на себя вниманіе два факта: повтореніе композиціи видѣнія купины Моисеемъ и двойной слой краски, обнаруженный г. Клуге при чисткѣ картины преддверія рая. Наблюдается и рѣзкое различіе въ техникахъ и рисункѣ фресокъ. Наконецъ, нынѣ «придѣлъ» соединенъ съ каѳоликономъ непосредственно двумя проходами, о которыхъ можно съ увѣренностью сказать, что они проламаны уже послѣ Метохита. Все это указываетъ на то, что послѣ Метохита, между 1332 и 1453 годами, въ церкви былъ произведенъ капитальный ремонтъ, при которомъ были реставрированы, между прочимъ, фрески. Кто и когда произвелъ ремонтъ въ церкви, сказать опредѣленно трудно, по недостатку данныхъ. Нѣкоторый матеріалъ представляетъ одна фреска придѣла (№ 239), изображающая четыре лица, во весь ростъ, въ богатыхъ свѣтскихъ костюмахъ. Г. Шмитъ дѣлаетъ по этому поводу нѣкоторыя догадки, съ цѣлью выяснитъ личность *пятаго* ктитора Хоры (имена четырехъ уже извѣстны: Теодоръ, современникъ Юстиніана, Михаилъ, синкеллъ патріарха Меѳодія, Комнины и Теодоръ Метохитъ). Но еслибы даже и не удалось открыть имя послѣдняго ктитора, Кахріэ-джаміи, несомнѣнно, остается единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ византійскаго искусства: нѣтъ другого, который бы такъ прекрасно сохранился и такъ полно былъ извѣстенъ по литературнымъ источникамъ. Научное значеніе памятника громадно, а художественная его цѣнность удивительна. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать выхода въ свѣтъ прекраснаго, хотя и меньшаго, изслѣдованія Э. И. Шмита, посвященнаго

лишь вопросу о датѣ мозаикъ и фресокъ замѣчательной Кахріэ-джами, и не пожелать, чтобы нашъ молодой ученый возможно скорѣе подарилъ науку полнымъ изданіемъ памятника, матеріалъ для коего съ рѣдкимъ умѣніемъ и тщательностью подготовленъ талантливый Н. К. Клуге.

Р. Х. Леперь, *Греческая надпись изъ Инеболи* (стр. 153—162).—Решифрируется и комментируется, при помощи солиднаго научнаго аппарата, греческая надпись классической эпохи. Ея начало: Ἀρχθῆ τύχη βασιλεύοντος Μιθραδάτου Εὐεργέτου ἔτους αἴρ'....

Къ разсматриваемому тому «Извѣстій» приложены двадцать таблицъ рисунковъ, одна изъ коихъ относится къ статьѣ г. Панченко, шестнадцать изображаютъ виды, планы и мозаики Мадебы и три относятся къ статьѣ г. Шмита (размѣщеніе мозаикъ и надписи въ Кахріэ-джами). Отмѣтимъ также, что форматъ изданія увеличенъ, по типу большинства археологическихъ изданій съ таблицами въ текстѣ.

А. И. Алмазовъ, *Законоправильникъ при Русскомъ Требникѣ*. С.-Петербургъ. 1902. Стр. 214.— Настоящій трудъ профессора Алмазова представляетъ критико-библиографическій очеркъ по поводу книги покойнаго профессора А. С. Павлова—«Номоканонъ при Большомъ Требникѣ» (Москва 1897). Работа профессора Алмазова состоитъ изъ предварительныхъ замѣчаній о книгѣ профессора Павлова (стр. 1—5) и восьми главъ изслѣдованія. Въ главѣ первой (стр. 5—19) опредѣляется взаимоотношеніе двухъ изданій (1874 и 1897 годовъ) изслѣдованія А. С. Павлова о Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ, во второй главѣ (стр. 20—42) рѣчь идетъ о Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ, какъ литературномъ цѣломъ въ формальномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, въ третьей главѣ (стр. 43—80) разсматриваются вопросы внѣшней исторіи Номоканона при Требникѣ въ его оригиналѣ (мѣсто и время его происхожденія, составитель и методъ составленія, источники его содержанія и свѣдѣнія о его редакціяхъ), въ четвертой главѣ (стр. 80—115) обозрѣваются вопросы внутренней исторіи Номоканона при Требникѣ въ греческой церкви (отношеніе къ другимъ покаяннымъ номоканонамъ и практическое значеніе), въ главѣ пятой (стр. 115—132) характеризуется Номоканонъ при Требникѣ въ славянскомъ переводѣ, въ шестой главѣ (стр. 133—148) разсматривается вводная часть Номоканона при Требникѣ (уставъ исповѣди и сопровождающія его наставленія касательно наложенія эпитиміи), въ седьмой главѣ (стр. 148—191) обозрѣвается Номоканонъ при Требникѣ въ собственномъ смыслѣ и примѣчанія къ статьямъ его А. С. Павлова, наконецъ, въ восьмой главѣ (стр. 192—203) предложены замѣчанія къ изданію текста Номоканона и приложений въ книгѣ А. С. Павлова. Заключая свою рѣчь о книгѣ Павлова, профессоръ Алмазовъ приходитъ къ такимъ выводамъ. Несомнѣнно, нѣкоторыя общія положенія автора нѣтъ данныхъ признать твердо и тѣмъ болѣе окончательно установленными. При всемъ томъ, въ книгѣ профессора А. С. Павлова нѣтъ ни одного общаго положенія, которое не было бы результатомъ глубокаго и

безупречно ученаго отношенія къ выполненію предпринятой ими задачи. Нельзя, далѣе, отрицать и того, что книга А. С. Павлова не чужда нѣкоторыхъ неточностей. Но на всѣ эти неточности, въ виду общаго характера книги, нѣтъ основаній смотрѣть иначе, какъ на погрѣшности случайныя. Позволительно, наконецъ, предъявить къ книгѣ А. С. Павлова «desideria» въ отношеніи нѣкоторыхъ дополненій. Но пробѣлы этого рода—и дѣло неизбежное, и дѣло личныхъ воззрѣній. Во всякомъ случаѣ, новое изслѣдованіе профессора Павлова о Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ, съ одной стороны, не можетъ трактоваться иначе, какъ ученымъ трудомъ, посильнымъ для человѣка съ выдающеюся эрудиціей въ области своего предмета, и результатомъ долгихъ всестороннихъ наблюденій и изысканій, а съ другой—представляетъ поистинѣ капитальное приобрѣтеніе русской науки церковнаго права. Являясь послѣднимъ, оно — 1) какъ вообще изслѣдованіе о каноническомъ сборникѣ, можетъ считаться образцомъ для будущихъ изслѣдованій въ подобномъ же родѣ; 2) какъ ученая книга, по требованію предмета изслѣдованія касающаяся разнообразнѣйшихъ вопросовъ церковнаго права и потому напоминающая въ нѣкоторой части церковно-юридическую энциклопедію,—должно быть признано необходимымъ пособіемъ для лицъ, посвятившихъ себя научной разработкѣ вопросовъ церковнаго права; 3) трудъ профессора А. С. Павлова можетъ имѣть и практическое значеніе (стр. 204).

Критическія замѣтки А. И. Алмазова на книгу А. С. Павлова, изложенныя въ формѣ цѣлаго изслѣдованія, составлены и при помощи рукописнаго ученаго аппарата, бывшаго въ распоряженіи нашего автора. Въ приложеніи къ своему очерку (стр. 205—211) г. Алмазовъ помѣстилъ три №№ рукописныхъ матеріаловъ, а именно: оглавленіе Номоканона по греческому рукописному сборнику XVI вѣка изъ Королевской Библіотеки въ Берлинѣ подъ № 348, оглавленіе Номоканона по рукописи XVI вѣка Погодинскаго древлехранилща № 243 (л. 136—139 об.) и оглавленіе Номоканона по кievскому его изданію 1620 года.

Александръ Поповъ (Священникъ), *Латинская іерусалимская патріархія эпохи крестоносцевъ*. Изслѣдованіе въ двухъ частяхъ. С.-Петербургъ. 1903. Стр. 440+322.—Первая часть изслѣдованія священника Попова состоитъ изъ четырехъ главъ. Послѣ небольшого предисловія, въ коемъ говорится о значеніи крестовыхъ походовъ, авторъ въ главѣ первой изслѣдованія (стр. 1—51) предлагаетъ краткую исторію завоеванія Сиріи и Палестины крестоносцами, описываетъ основаніе латинскаго іерусалимскаго патріархата, опредѣляетъ его географическіе предѣлы, рѣшая вопросъ о тирской архіепископії, и этнографическій составъ. Во второй главѣ (стр. 52—141) рѣчь идетъ о внутреннемъ устройствѣ патріархата, причемъ авторъ говоритъ о духовно-рыцарскихъ орденахъ и отношеніи ихъ къ патріарху, о борьбѣ духовенства съ свѣтскою властью за преимущественныя права церкви и о попыткахъ нѣкоторыхъ членовъ клира стать въ независимое положеніе отъ Рима, о правахъ и юрисдикціи духовенства и объ эконо-

мическомъ его положеніи. Въ третьей главѣ (стр. 142—324) описывается отношеніе крестоносцевъ къ православнымъ и вообще къ туземному населенію въ Палестинѣ. Здѣсь сначала дѣлается обзоръ положенія христіанъ надъ властью мусульманъ до прибытія крестоносцевъ, причемъ выводъ дѣлается не въ пользу латинянъ. Крестоносцы преслѣдовали завоевательныя, а не освободительныя цѣли, поэтому еще на пути чрезъ православныя земли производили разбой и грабежи, сначала дѣлая это какъ бы случайно, а потомъ совершая и прямыя нападенія на Византійскую имперію. Въ Святой Землѣ они отняли у православныхъ святыни, тѣснили духовенство и народъ и создали тяжелый для нихъ экономическій бытъ. Вообще крестовые походы не принесли восточнымъ христіанамъ ожидавшихся благъ. Справедливость требуетъ сказать, что если положеніе восточныхъ христіанъ подъ владычествомъ мусульманъ было тяжелое, то подъ властью хотя и христіанскихъ государей, но подъ игомъ папъ, было гораздо хуже. Христіане лишились не только своихъ законныхъ пастырей и завѣтныхъ святынь, но и самая вѣра ихъ подверглась тяжелому испытанію. Многочисленные храмы и монастыри, лучшія строенія и богатѣйшія имѣнія были у нихъ отняты и сдѣланы собственностью латинянъ. Они лишены были и искони принадлежащаго имъ самоуправленія и всѣхъ тѣхъ правъ и преимуществъ, неприкосновенность которыхъ была за ними признана и ограждена грамотами Магомета, Омара и ихъ преемниковъ и свято соблюдалась мусульманами, и подверглась полному униженію и рабству, какого не испытывали при господствѣ мусульманъ. Въ главѣ четвертой первой части изслѣдованія (стр. 325—440) изображается нравственное состояніе патріархата, какъ одна изъ причинъ его упадка, и указываются слѣды существованія латинскаго патріархата, оставшіеся въ Палестинѣ (по поводу книги Воюэ «Les églises de la Terre Sainte»).

Вторая часть изслѣдованія о. Александра Попова состоитъ изъ трехъ обширныхъ главъ и заключенія. Въ первой главѣ (стр. 3—67) перечисляются латинскіе патріархи, во второй (стр. 68—126) — архіепископы и епископы, а въ третьей (стр. 127—206) — монастыри мужскіе и женскіе, находящіеся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ латинскаго патріарха или его суффрагановъ-архіепископовъ и епископовъ. Перечисленіе сопровождается біографическими и иными свѣдѣніями, которыя рисуютъ и внутреннюю жизнь латинскаго патріархата. Въ заключеніи (стр. 207—268) предложены любопытные выводы. Историкъ, пишетъ нашъ авторъ, много распространяются о благотворномъ значеніи крестовыхъ походовъ для Западной Европы. Но справедливость требуетъ обратить вниманіе и на другую сторону — востокъ и посмотрѣть, чѣмъ крестовые походы облагодѣтельствовали востокъ. Народы востока не только не получили отъ крестовыхъ походовъ и малой доли тѣхъ сравнительно немногихъ благъ, какія получили западъ, но для нихъ эти походы были прямо губительны. Кромѣ разрушенія и сожженія селъ и городовъ, опустошенія полей и

истребленія лѣсовъ и садовъ, расхищенія имущества и обнищанія народа, крестоносцы увеличили силу мусульманъ на счетъ христіанъ, подорвали могущество Византіи, создали, въ концѣ концовъ, пресловутый восточный вопросъ, а главное они вызвали и укрѣпили между восточною и западною церквами непримиримую вражду и ненависть, обострили разъединеніе церквей и создали громадныя препятствія въ дѣлѣ ихъ объединенія. Далѣе авторъ дѣлаетъ экскурсъ въ сферу взаимныхъ отношеній между восточною и западною церквами и показываетъ, какъ постепенно создавался разладъ между ними и разгоралась взаимная вражда и ненависть. Крестовые походы оказали въ этомъ отношеніи худую услугу. Особенно ярко выражается вражда между греками и латинянами въ Палестинѣ, около святыхъ мѣстъ, гдѣ со времени крестовыхъ походовъ наблюдаются поразительныя сцены религіознаго и національнаго антагонизма. О. Поповъ хорошо изображаетъ борьбу изъ-за святыхъ мѣстъ Палестины между православными и католиками, иллюстрируя рассказъ фактами и изъ повѣйшей исторіи столкновеній, интригъ, раздоровъ между участниками борьбы. Вообще, въ заключеніи нашъ авторъ прочно устанавливаетъ свой тезисъ о томъ великомъ вредѣ, который причинили миру и единству церкви Христовой крестоносцы учрежденіемъ латинской іерусалимской патріархіи.

На послѣднихъ страницахъ (269—322) второй части помѣщены указатели собственныхъ именъ мѣстъ и лицъ, перечисляются источники и пособія. Къ книгѣ приложена и карта латинской іерусалимской патріархіи эпохи крестоносцевъ по Assises de Jérusalem.

В. Родниковъ, *Къ сказанію о сношеніяхъ Эдесскаго князя Авгаря со Христомъ Спасителемъ* (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1903, июль, стр. 501—513). — Извѣстное сказаніе о сношеніи Спасителя съ Эдесскимъ княземъ Авгаремъ признано нѣмецкимъ ученымъ Шварцомъ (*Zeitschrift für neutestamentliche Wissenschaft*, 1903, № 1, S. 6166) грубою церковно-политической поддѣлкой, явившейся результатомъ стремленія доставить независимое положеніе Эдесской церкви, съ которой будто-бы самъ Христосъ имѣлъ непосредственныя сношенія. Въ настоящей статьѣ, напротивъ, показывается, что сношеніе Авгаря со Христомъ — фактъ историческій. Авторъ приводитъ свидѣтельства различныхъ византійско-восточныхъ писателей (Евсевія Кесарійскаго, Ефрема Сирина, Евагрія, Моисея Хоренскаго, Прокопія и др.), изъ коихъ видно, что сношенія Спасителя съ Эдесскимъ княземъ Авгаремъ дѣйствительно были, — сношенія эти сопровождалась перепискою и при этомъ Спаситель даровалъ Авгарю свой Нерукотворенный Образъ. Затѣмъ авторъ устанавливаетъ историческое значеніе личности Авгаря, а возможность и дѣйствительность его сношеній со Христомъ подтверждаетъ ссылкой на XII-ю главу евангелія Іоанна, гдѣ говорится (ст. 21 и д.) о прибытіи ко Христу какихъ-то эллиновъ, подъ которыми нашъ авторъ разумѣетъ пословъ Авгаря. Впечатлѣніе читателя отъ статьи г. Родникова портится нѣкоторыми хроно-

логическими ошибками-опечатками, здѣсь допущенными. Такъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ отнесенъ къ IX вѣку (стр. 502), Прокопій Кесарійскій къ XI вѣку (стр. 506), Евсевій Кесарійскій и Ефремъ Сиринъ — къ VI вѣку (стр. 504). Кромѣ того нѣкоторые писатели цитуются по устарѣлымъ изданіямъ:—Дамаскинъ по ed. Gallandii, Venetiis 1781, Кедринъ — по изд. Basil. 1566.

И. Соколовъ, *Монашеская республика*. Изъ наблюдений и воспоминаний о святой горѣ Аѳонской (Историческій Вѣстникъ, 1903, июнь, стр. 948—972, июль, стр. 163—188).—Въ статьѣ, на основаніи литературы вопроса и личныхъ наблюдений, излагается прошлое и настоящее состояніе монастыря, греческаго и русскаго, на святой горѣ Аѳонской, которая еще съ эпохи византійской приобрѣла значеніе центра религіозно-созерцательной и духовно-просвѣтительной жизни православнаго востока.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНИЯ.

«Byzantinische Zeitschrift», herausgeg. von K. Krumbacher, Band XII, Heft 1—2.

Первый отдѣлъ (стр. 1—326) состоитъ изъ слѣдующихъ статей:

L. Bréhier, *Les colonies d'Orientaux en Occident au commencement du moyen âge* (стр. 1—39).—См. отдѣлъ «Франція».

Spyr. Lambros, *Alexander Kabasilas* (стр. 40—41).—У Анны Комнины I, 366, 12 слѣд. вмѣсто Καβαλίτζα (Ἀλεξάνδρου) должно читать Καβασιτζα (ср. у той же писательницы I, 199, 2 и II, 199, 16 слѣд.).

K. Zimmert, *Der deutsch-byzantinische Konflikt vom Juli 1189 bis Februar 1190* (стр. 42—77).—Детальный разборъ и сличеніе византійскихъ и нѣмецкихъ извѣстій о дипломатическихъ и военныхъ событіяхъ отъ нюрнбергскаго договора между Барбароссой и Исаакомъ Ангеломъ до оккупации Θракіи вплоть до Константинополя въ февралѣ 1190 г. Статья при-мыкаетъ къ другой работѣ того же автора «Der Friede von Adrianopel» (см. Byz. Ztschr. т. XI).

J. Jegerlehner, *Der Aufstand der kandiotischen Ritterschaft gegen das Mutterland Venedig 1363—65* (стр. 78—125).—Доселѣ все изслѣдователи возстанія кандіотовъ, кромѣ Герланды, не разслѣдовали его болѣе глубокихъ и давнихъ причинъ, а ограничивались поводомъ къ нему — введеніемъ подати на ремонтъ гавани г. Кандиды—и внѣшнимъ ходомъ событій; кромѣ того источники, особенно Quaterni bannorum, т. I и Secreta collegii, использованы въ нихъ недостаточно (первые въ отношеніи данныхъ о причинахъ накоплявшагося недовольства, вторыя—мѣръ, принятыхъ Венеціей при вѣсти о революціи на Кандіи). Настоящая статья